Андрей Саенко

БЛИНЫ И КОМЬЯ

важные стихи

Андрей Саенко

Блины и комья. Важные стихи

«Издательские решения»

Саенко А.

Блины и комья. Важные стихи / А. Саенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900142-9

Андрей Викторович Саенко родился в Москве в 1974 году, профессиональный юрист. Выступает в прессе с материалами правового и публицистического характера, имеет также и литературные публикации. Стихи пишет с детства, многие кладёт на музыку. Является автором, голосом, музыкантом и единственным бессменным участником Студийного проекта «ТИТРЫ», записавшего два альбома и несколько синглов. «Блины и комья» — первая книга автора, в которой собраны большей частью «неспетые» стихи за тридцать лет.

ISBN 978-5-44-900142-9

© Саенко А.
© Издательские решения

Содержание

Ненужная страница	6
Первый Стих	7
«Вторая жизни половина...»	8
Октябрьское утро	9
Москву хочу любить издалека	10
Турецкие записки. Белек	11
Встреча с Владимиром Шахриным	12
Круги	13
О выходе Евгения Леонова в открытый космос	14
Ветрянка	15
Молодая шпана	16
Восьмиклассницы	17
Последний день лета	19
«После душной недолгой ночи...»	20
Павелецк	21
Там и Тут	23
«Не год пройдёт, не пять, не сто, а – множество...»	24
Встреча с Ольгой Орловой	25
СПб – Мск	27
Пуд соли	28
Зарисовка с натуры	29
Занимательная топонимика	30
Да/Нет	32
Наташе	33
Берегите в себе ребёнка!	34
«Мне выпало родиться на границе...»	35
«Осень, братцы. Ветер в подворотне...»	36
Блинчики	37
Октябрьский снегопад	38
Испанские записки. Таррагона	39
Письмо любимой с передовой	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Блины и комья Важные стихи

Андрей Саенко

© Андрей Саенко, 2019

ISBN 978-5-4490-0142-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ненужная страница

Дорогой неизвестный читатель!

Чтобы сократить дистанцию, будем сразу на ты. Да и какой смысл обращаться друг к другу иначе, если я делюсь с тобой самым сокровенным!

В этой книге собраны стихи, написанные в очень разное время по различным поводам. Некоторым из них почти тридцать лет, другие родились совсем недавно. Степень их творческой зрелости очень различна, отсюда и название книги. Но я специально убрал указание на время написания стихотворений и разместил их вперемешку, потому что каждое для меня одинаково важно, и отсюда подзаголовок книги.

Если во время чтения предыдущего абзаца ты хотя бы один раз посмотрел на обложку или на предыдущую страницу – я тебя просчитал! Если нет – я тебя недооценил. И то, и другое добавляет интриги нашим отношениям и оживляет общение, а значит – сближает. И вот мои стихи уже не кажутся тебе такими чужими, а фигура автора будто бы вырисовывается более или менее чётким силуэтом.

Между тем, какие-то стихи могут показаться взаимоисключающими, некоторые совершенно точно принадлежат лирическому герою, но все они написаны искренне и от души. Надеюсь, мне получится донести настроение этой гостеприимной открытости и до тебя.

А поскольку я совершенно уверен, что рассказывать о творчестве должны в первую очередь сами произведения, я заканчиваю это короткое вступительное слово и приглашаю тебя перевернуть страницу. Надеюсь, не одну.

С уважением,

Неизвестный автор

Первый Стих

Когда признаешь наконец-то,
Что никакой ты не поэт,
Не из того ты слеплен теста,
Не тот ты вытащил билет,

Что всё написанное – шлаки,
И миллион таких как ты,
Что ты не так воспринял знаки,
Ниспосланные с высоты,

И вдруг найдёшь в себе паяца,
Поймешь, что ты в искусстве – клерк,
И перехочется смеяться
Над мадригалами коллег,

И вспомнишь, как когда-то прежде
Ты знал, но мысли эти гнал,
Что, хоть меня на части режьте,
Но стих бездарный – криминал,

Поймёшь, что врут тебе родные,
Друзья родных и их друзья,
И сочинительству отныне
Заявишь жёсткое «нельзя»,

Что смерть забвенью мусор скормит,
Да и тебя, лишь пульс твой стих...
Вот тут и жахнет непокорный
И гениальный первый Стих.

«Вторая жизни половина...»

Вторая жизни половина
С тобой случается, когда
Приходит осень не с повинной,
Как было в прошлые года,

И сердце не щемит как прежде
Прекрасным танцем листопад,
И вовсе нет конца надежде,
И ты не плачешь невпопад.

Мелькнув последнею блесною,
Утихнет жар. И в этот миг
Ты станешь зиму ждать с весною,
А лето – только после них.

Октябрьское утро

Этим утром особенно воздух прозрачен и ясен,
Неподвижен, беззвучен... И видится из-под руки:
Пробивается свет как крапива меж дачных балясин,
Огибая преграды законам любым вопреки.

А над ним, над домами, в холодных космических высях
Из-за этого воздуха словно теплей и светлей:
Это лёд отчуждения вдруг испарился и высох,
Обнаружив единую твердь из магнитных полей.

Холод жмётся пугливо в тени возле кафельных стенок,
Возле мусорных баков, но ты на него не смотри,
Ведь такой голубой бесконечный глубинный оттенок
В этом небе, что хочется плакать от счастья внутри.

Так спокойно и так очевидно давно не бывало,
Долгожданный ответ на мучительный вечный вопрос.
Мягко стелет над миром космическое покрывало
Подзабытый старик, что седой бородою зарос.

Москву хочу любить издалека

Москву... хочу любить издалека,
Как любят солнце или облака,
Но слишком приближаться к ней не стоит.
Припомнит всякий несколько историй
Про слёзы в главном городе страны,
Про «без любви», «без денег», «без вины».

Москву хочу любить издалека,
За диссонанс кремлёвского звонка,
Что отмеряет время в старой башне,
За непрерывный, как сироп от кашля,
Поток таких угрюмых новостей,
Что и здоровый упадёт в постель.

Москву хочу любить издалека,
Как любит нас, всё яростней пока,
Тягучее безмерное Замкадье,
За то, что только здесь еда и платье,
И чёрный нал и чёрный криминал,
И в главном храме очередь менял.

Москву хочу любить издалека,
Не ведая дрянного гопака
И с этой пляской несогласных маршей,
В метро не перемалываясь фаршем,
И не желая встречному: «умри!»...
Москву любить так сложно изнутри.

Одетую в казённые шелка
Москву хочу любить издалека,
Всё очевидней в суть вещей вникая,
Но противоположности смыкая, —
Не говорить, не слышать, не смотреть! —
От ненависти в шаге замереть.

Турецкие записки. Белек

Солнце в небе. Навесов плеск,
Гул прибоя и гальки щебет.
Слышишь музыку здешних мест?
Всё звучит. Даже солнце в небе.

В соль по вкусу песок добавь,
В ткани, волосы и постели.
Переплывь пустившихся вплавь
По играющей акварели.

Солнце, галька, песок, вода —
Словно ноты тягучей песни.
Кажется, будет так всегда.
Даже если «всегда» исчезнет.

Жар не в тягость. Покой не в лень.
Жизнь течёт, но стоит на месте.
Завтра будет вчерашний день.
Разойдёмся и будем вместе.

Встреча с Владимиром Шахриным

случившаяся на Большой Бронной летом 1999 года
(из цикла «Внезапные встречи»)

На днях я встретил Шахрина
У самой синагоги.
Всплеснул руками – ни хрена! —
И этот «из немногих»?!

Чуть пригляделся – не вопрос,
Сомнений не осталось:
Черноволос и горбонос,
Плюс скрытая картавость.

Я сам с собою говорил,
Глазам своим не веря:
Выходит, русский наш Шахрин
Всё время был евреем?!

Но мысль одна живёт, маня
В спокойствия чертоги:
Ведь повстречал и он меня
У самой синагоги...

Круги

Что-то кануло в водную гладь,
И бежит суетливо кругами
След того, что ни тронуть руками,
Ни умом или взглядом объять.

И от этого муть под водой,
И тревожная зыбь лихорадит
Не ответа, не истины ради
Первозданный бесстрастный покой.

Исказились в дрожащей воде
Силуэты реального мира:
Где прямая в костюме пунктира,
Правят бал *никогда и нигде*.

Растревожил падения бес
Беззащитные водные глади,
На которых, мучительно глядя,
Я ищу отраженье небес.

Но задачка при этом легка:
Вверх взгляну – и увижу: по своду,
Невзирая на всю несвободу,
Надо мною плывут облака.

И ни камень их строй не смутит,
Ни случайное колкое слово...
Отчего же нас снова и снова
Отражения манит магнит?

О выходе Евгения Леонова в открытый космос

Ксюше для школьной газеты

...Ведь до него никто и никогда
Не делал так и не мечтал о том!
Какого это стоило труда
Он не расскажет даже и потом.

Немногословным будет разговор —
Герой всегда не много говорит,
Но на его картинах с этих пор
Появится особый колорит:

Корабль и космонавт, парящий рядом,
Бескрайние вселенские поля...
Он первым был из тех, кто мерил взглядом
Из космоса обшивку корабля.

Ветрянка

(из цикла «Стихи для родителей»)

Как у нашей Сашки
Красные мурашки:
На носу и на щеках,
На ногах и на руках,
Нынче Сашка просто
Вылитый подросток!
Мама словно сыщик
Ищет каждый прыщик —
На носу и на щеках,
На ногах и на руках,
По всему ребёнку
Развезла зелёнку!
Стала наша дочка
Вся в зелёных точках:
На носу и на щеках,
На ногах и на руках, —
Ты художник просто,
Ветряная оспа!
Сашка просит: «Мама,
Мне для инстаграма
Срочно нужен мой портрет!
Раз уже зелёный цвет,
Значит, скоро снова
Буду я здорова!»
В пятнышках ребёнок,
Словно оленёнок.
Ах, как весело болеть:
Хочется плясать и петь!
Жаль, что только разик
Будет этот праздник...

Молодая шпана

*Где та молодая шпана,
что сотрёт нас с лица земли?
Борис Гребенищikov*

Мы рано встали первыми в строю,
Собою предыдущих перекрыли,
Перешагнув родительский IQ,
Их опыт и способность к мимикрии.
Не то, чтобы нам больше повезло,
Не то, чтоб мы сильнее и умнее,
Но всем закономерностям назло
Родились мы, немалое умея.

Для нас открытой книгою всегда
Бывало то, к чему у них дорога
Пусть даже занимала не года,
Но требовала очень-очень много.
Тряпичных кукол прах на чердаках
Рожденьем нашим потревожен не был:
Мы гнали тачки с пультами в руках,
Аэропланы запуская в небо.

Но я смотрю на «юную шпану»,
На шпингалетов из начальных классов,
Которым мы планету и страну
Вручим, своё по глобусу отлазав,
И мне ничуть не боязно, ничуть,
И не болит за будущее сердце:
Они сейчас своё готовы гнуть...
Так пусть растут и задают нам перца!

Восьмиклассницы

*Мамина помада,
сапоги старшей сестры,
Мне легко с тобой,
а ты гордишься мной.
Ты любишь своих кукол
и воздушные шары...
В. Цой*

Вчера в бантах, сегодня с поясами,
Шарфами, мини, джинсами в обтяг...
Они пока не очень знают сами,
Не ведают ещё, чего хотят.

Ведомые древнейшим из инстинктов
На встречу неизменных янь и инь,
Они точь-в-точь ожившие картинки
Из каталогов глянцевого богинь.

Помада, тени, блёстки, тушь, румяна,
Глаза, ладони, плечи, шея, стан...
Их грация ещё не очень явна,
Но женский шарм им в полной мере дан:

Потомки Афродиты и Венеры,
Страстей античных нынешнее «я»,
Их взгляды, их повадки, их манеры —
Сиюминутный центр бытия.

И им сейчас поверить так непросто,
Что, может быть, пройдёт всего лет пять,
И многие из этих вертихвосток
Отправятся с колясками гулять.

Не до гламура, не до бижутерий, —
Кормёжками дробятся ночь и день,
И вместо мыслей о греховном теле
Мечта заснуть на несколько недель.

В их жизни не исчезнут поцелуи,
И чувств как нынче будет океан,
Но всё, что их сейчас всерьёз волнует,
Уйдёт на третий, на четвёртый план.

Хотя при этом – именно при этом! —
И возникает главная черта:

Утраченной беспечности ответом,
Теплей и ярче солнечного света
Искомая так долго Красота.

Последний день лета

Вот уже которую неделю
Что-то мне не по себе слегка.
Знаешь, мама, я уже седею,
Хоть и не похож на старика.

Многое, казавшееся важным,
На поверку вышло ерундой.
Я решил не становиться старше —
Я и так не слишком молодой.

Ты не думай, всё вполне лояльно:
Деньги, планы, мысли и кредит.
Правда вот седею постоянно,
Хоть ещё не вынесен вердикт.

Сам с собой играл я в кошки-мышки,
Но теперь меня сковал мороз:
Как Алиса в старой детской книжке
Я, похоже, сказку перерос

И теперь не знаю, кто я? где я?
Открывать глаза на счёте «три»?
Знаешь, мама, я всю седею,
Но надеюсь, что не изнутри.

«После душной недолгой ночи...»

После душной недолгой ночи,
До восхода, почти впотьмах,
Разогретый, как летом Сочи,
Дремлет Град на семи холмах.

Удаль спелого каравая,
С подгоревшей корой дорог...
Он, потягиваясь, зевая,
Распрямляет пути метро,

Разворачивает маршруты,
Раскрывает подъезды глаз,
Чтоб настой городской цикуты
Каждым вдохом вливался в нас.

По ещё пустым автотрассам,
Издавая негромкий рык,
Мчат машины, проснувшись разом,
Не срываясь пока на крик.

Их моторы звучат как трели,
До поры, до жары, пока...
И за каждой машиной – время,
Бой курантов и сыпь песка.

Семигорбое чудо света
Вскипятит нас в своём соку.
...Это лето – почти что Лета.
Мы гуляем по бережку.

Павелецк

Помахав Москве устало,
Взяв билет в один конец,
С Павелецкого вокзала
Я уеду в Павелецк.

Девять дней без остановок,
Девять суток ровный ход,
Без обманок и уловок
Добросовестный исход.

Мы о нём когда-то знали,
Но давным-давно. И вот
Лишь в названии вокзала
Павелецк теперь живёт.

Этот городок некрупный
Навсегда исчез из карт,
Но попасть туда нетрудно:
Вспомнил слово – взял плацкарт.

Павелецк – трава по пояс,
Павелецк – высокий звон,
Или это слышен голос
Из-под золота икон?

Сок живой, поднявшись к кроне,
Возвращается дождём.
Дважды буду похоронен,
Дважды вновь перерождён.

Павелецк – покой и воля,
Вера в правду и любовь.
Позабуду, кто я, что я,
Отшелушусь до основ,

И моя другая доля
Сгинет, чёрная, в аду.
Сорок лет ни лжи, ни горя,
Сорок лет с собой в ладу.

А затем, забыв о прошлом,
Но, при этом, не предав,
Я вернусь, вернусь нарочно
В город вымышленных прав

Гарь жевать и нюхать копоть
Трёх магических колец,
Чтобы снова заработать
На билет в один конец.

Там и Тут

Там —

крещенский мороз до костей, пар дыхания, наледь и
темнота. Через силу завёлся, мечтая не тронуться,
старичок на колёсах: ему так не хочется на люди,
как двум школьникам в нём, с темпераментом сонных эстонцев.

Тут —

неспешный покой (отчего в нём бываем так редко мы?),
В простынях неостывшие складки играют узорами,
Пахнет ягодным чаем и чуть подгоревшими гренками,
Незажжёнными лампами, недооткрытыми шторами.

Встреча с Ольгой Орловой

посетившей (с подругой) Театр им. Маяковского 5 декабря 2005 года, чтобы посмотреть спектакль «Чума на оба ваших дома», но ушедшей после первого действия
(из цикла «Внезапные встречи»)

Я подарил жене билеты
На день рожденья.
И мы пришли упиться светом
На представление.

В итоге я смотрел «неящик»
Из чувства долга.
Солистку видел из «Блестящих»,
Орлову Ольгу.

Она сидела вся такая,
Такая, в целом,
И всё смотрела не моргая,
И всё на сцену.

«Чума на оба ваших дома»
Тянулась долго.
В партере со своей знакомой
Сидела Ольга.

Потом в антракте очень скоро
Мы что-то съели,
И лица сытые актёров
Со стен глядели.

Спектакль был не динамичен,
И шёл три двадцать,
Но только правила приличий
Велят остаться.

И мы вернулись в ожиданье
Последней части.
Но в этот миг в театра зданьи
Стряслось несчастье.

Зияли дырами печально
Пустые кресла,
Где наших спутниц изначально
Считалось место.

Потом закончился спектакль
Героев смертью,

И я практически заплакал,
Вы мне поверьте.

А вот осталась бы Орлова,
Всё было б лучше,
Не так была б судьба сурова
И горек случай.

Но звёзды все издалека нам
Несильно светят,
А мы лишь мерим жизнь стаканом,
Наверх не метя.

Теперь звезду увижу только,
И в ус не дуя,
Тотчас уйду с концерта, Ольга,
Тотчас уйду я!

СПб – Мск

«Субполустанки без названий,
Телеги, вросшие в навоз,
Трапеции неровных зданий
(что триста лет уже под снос),
Поля, бесхозно зеленея,
Ни взор, ни ум не манят вдаль:
Взамен пейзажа акварели —
Дорог размытая фекаль.
Меж ними в полуперелесках
По ватерлинию в воде
Недодубки, недоберёзки,
Недодеревья, недоде...
Стоят, как будто через силу,
Растут, самих себя стыдясь...
Над ними воздух синий-синий,
Под ними неизбежно – грязь.
И результатом всех историй —
Себя неправдой не корми! —
Набор несвязных территорий,
Укомплектованных людьми.»

...Так мыслил некогда Радищев,
Стремясь в Москву, как большинство.
А кто отличий нынче ищет,
Не обнаружит ничего.
Хоть Николай, хоть Александр,
Владимир, Дмитрий и Ильич —
Страна упряма, как эспандер,
И неизменна, как кирпич.

Пуд соли

Как бы ни было больно,
Как бы ни было сложно,
Всё исторгнется солью,
Всё, что только возможно.

Плачь, печалься и кисни,
Веки три до мозоли,
Чтобы съесть с кем-то близким
Целый пуд этой соли.

Зарисовка с натуры

Она стоит в окне роддома
С кульком, сопящим на руках,
И мир знакомый – незнакомый:
Всё как и было, но не так,

Совсем немного, но иначе:
Она уже не только дочь,
И радость к ней приходит с плачем,
И с днями путается ночь.

Подруги смотрят на младенца,
Не зная истинной цены,
Они немного иноземцы
Из общей некогда страны.

Их мир не рушился на части,
Им не известно, как на миг
Опустошение и счастье
Соединяет детский крик...

И всё несут в палату розы
И фрукты («я же их не съем!»);
Она как будто под наркозом:
И здесь, и нет её совсем.

И вся реальность нереальна,
И всё – сомнения и страх,
Лишь пусть бы ел и спал нормально
Сопящий свёрток на руках.

Занимательная топонимика

*...из смежных деревень
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина.
Горелова, Нейлова —
Неурожайка тож...
Н.А.Некрасов*

Всегда обозначения
Российским поселениям
Давались со значением
Российским населением.

Но многие названия
Затёрлись в повседневности.
Давайте вместе с вами я
Достану их из древности.

В деревне «Волосатово»
Не стоит даром мучиться:
Найти неволосатого
Мужчину не получится.

В деревне «Босоногово»
Хотите, не хотите ли
У босоногих логово:
Не носят обувь жители.

А в городе Заречинске
Легко попасть в колонию
За речь по-человечески:
Здесь речи – беззаконие.

В деревне «Поливаново» —
Как хочешь сей сюжет верти —
Все жители Ивановы
Лишь ровно на две четверти.

А в городке «Оралово»
Чуть что – орут красавицы,
Хоть мужикам «Оралова»
Совсем другое нравится.

В селе «Шпагоглоталово»
Не принято сутулиться,
В селе «Венециалово»

С трудом пройдешь по улице.

В деревне «Пустобрёхово»
В ходу слова опальные,
В деревне «Пустобрюхово»
Поля неурожайные.

Я думаю, традиции
В России не изменятся,
Названия схватят блицами
Реали современности.

И вырастут «Дефолтово»,
«Инфляшкино» и «Кризово»,
«Лэндрроверки» и «Хондово»,
«Еэсы» и «Безвизовы»,

«Секретные Инсайдеры»,
«Наложкино-Накладчино»,
«Последние Коллайдеры»,
«Давалово» и «Братчина»,

«Преведы» и «Медведовы»,
«Поскуленки» и «Жалобы»,
«Нитратки» и «Безвредовы»,
И «Понаприезжаловы».

Но многие названия,
Что в картах обозначатся,
Не стали общим знанием:
Они покамест прячутся.

И в наших с вами, милые,
Руках – сдержите мимику! —
И праздник и уныние
Грядущей топонимики.

Да/Нет

Когда осмелюсь подойти с вопросом,
Пусть не спешит сорваться с губ отказ,
Возможно, ты ещё не знаешь просто,
Что в «нет» твоём сокрыто «да» не раз,
Что «слишком хорошо» граничит с «плохо»,
Что тьму порой несёт ярчайший свет,
Что можно и от тишины оглохнуть...

Что в «да» моём десятки тысяч «нет».

Наташе

Я нерасторопен на слова признаний,
Мне они неловко лягут на язык,
Просто знай: вступая в пору расставаний,
Всякий раз печали прохожу азы.

Вроде всё по плану: ты – в моём мобильном,
До тебя всего-то полчаса езды;
Только жизнь тоскливым делается фильмом,
Если ты не рядом, если где-то ты.

По тебе скучая и тебя желая,
Нежного общенья вновь учу букварь:
Без тебя квартира словно нежилая,
И опять длиннее втрое календарь.

Я тебе нечасто говорю о чувствах,
В глупом краснобайстве на признанья скуп,
Просто знай, что в мире холодно и пусто,
Если я не слышу запах твоих губ.

Берегите в себе ребёнка!

Берегите в себе ребёнка,
Сохраните лазейку в рай,
Даже если драчун и враль,
Берегите в себе ребёнка.

Даже если со стороны
Это выглядит чуть неловко,
Пусть Владимир лелеет Вовку,
Хоть бы и президент страны.

Пусть пугает до слёз гроза,
Пусть каникулы, если лето.
Удивляясь дневному свету,
Не стесняйтесь раскрыть глаза.

Даже если малы коньки,
Вы, возможно, не стали старше —
Так в Натальях живут Наташи,
В Аннах – Нюрочки и Аньки.

Пусть мы сами порой не верим,
Что способны на чистоту,
На несбыточную мечту,
Всё реальной монетой мерим.

Пусть не просим почти конфет,
Пусть на должности, а не в школе, —
Это просто сменились роли,
Но актёр не сменился, нет.

Берегите в себе ребёнка,
Смейтесь, даже и без причин,
И пускай этикет молчит —
Сохраните в себе ребёнка!

Легче в детство в конце впадать,
Это детство не покидая.
...Сберегите ключи от рая,
Чтобы детям их передать.

«Мне выпало родиться на границе...»

Мне выпало родиться на границе,
На стыке зимней стужи и весны,
Там, где Европа к Азии стремится,
Где есть страна, и как бы нет страны.

Где мак с пшеницей ужились на ниве,
Где в тёмном царстве вдруг сияет свет,
Где есть язык – велик и примитивен,
Где есть культура, и культуры нет.

Рождён я там, где плоть граничит с духом,
Где клоун в шаге от великих дел,
Где мёртвые – пускай земля им пухом —
Живей иных ещё не мёртвых тел.

На этой грани всё вошло друг в друга:
Так пальцы рук смыкаются в замок,
Так циркуль создаёт пространство круга,
Вписав в него и святость, и порок.

Мне выпало родиться на границе,
На стыке тектонических платформ.
А я б иначе не хотел родиться —
Изломы норм всегда занятней норм!

Живу одной ногою за Уралом,
Другой – за Брестом, в небе головой,
И всё равно мне мало,

мало,

мало...

Поскольку я живой,

живой...

Живой!

Блинчики

Ах ты, господи-боже,
Москвичи и москвички!
Ваши лица похожи
На горячие блинчики:

С пылу, с жару, с шипящей
Круглой плоскости Солнца...
Ищущий да обрящет,
Жажущий да напьётся.

Октябрьский снегопад

Не успели отжелтеть, отпраздновать
И в палитре осени пожить,
Чтоб хоть месяц, но – такими разными,
Чтоб в паденье, но – всю кружить.

На живые листья раньше времени
Выпал первый чистый мокрый снег,
И не стало больше в мире зелени —
Так у лета завершился век.

Чья-то смерть кому-то возрождение,
Воля стуже, а теплу – тюрьма,
Без приветов, без предупреждения
Завалила хлопьями зима.

Белым цветом холода безбрежного
На отёкших ветках снег обвис,
И, скрипя под гнётом неизбежного,
Валятся стволы со стоном вниз.

Испанские записки. Таррагона

Что тебе сказать о Таррагоне?
Солнце светит дольше, чем луна.
Как в курино-грилевой агонии
Облезают плечи и спина.

В ласковом местечке Ла Пинеда
Под прибой лилово-синих волн
Жили мы с обеда до обеда,
Ни тревог не ведая, ни войн.

Жили от сиесты до сиесты,
От дневного до дневного сна,
И теперь на самом видном месте
Нос облез, как плечи и спина.

Посетили тесный город Реус,
Оценив модерна антураж,
И теперь, когда я утром бреюсь,
Щёки лезут, чем ты их ни мажь!

Аквапарк, Салоу, Барселона,
Порта-Аventura виражи...
Вроде загорали без урона,
Отчего выходит так, скажи?

Отпуск не был ограничен пляжем,
А когда и посещали пляж,
То с таким защитным камуфляжем,
Что в печи б не загорел беляш!

Сам себе ответить на вопрос тот
Я готов и твой не жду ответ:
Это цепь перерождений просто,
Что приходит через жгучий свет.

Под весёлый щебет каталонцев,
Не похожий на родную речь,
Яркое, но ласковое солнце
Принялось не тело – душу печь.

Груз забот, как воды Ниагары,
Пал, пропав в течение горних рек...
Лезет в свет из скорлупы загара
Новый отдохнувший человек!

Письмо любимой с передовой

*В тёмную ночь
ты, любимая, знаю, не спишь,
И у детской кроватки тайком
ты слезу утираешь...*

...

И поэтому знаю: со мной ничего не случится!

В. Агапов

Думаешь, наверное: «Одна я!
Бросил, позабыл...» Да только зря.
Вот пишу письмо тебе, родная,
В памяти твой нежный образ зря.

До чего же, милая, досадно,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.